

Заметки иностранца в Коммуналбурге:
Утехин И. В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп.
М.: ОГИ, 2004.

А. А. Гудкова
ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство ОГИ и Центр типологии и семиотики фольклора при Институте высших гуманитарных исследований РГГУ выпустили в серии «Нация и культура. Антропология /фольклор» второе, дополненное издание книги (первое вышло в 2000 г.) лингвиста и семиотика Ильи Утехина «Очерки коммунального быта» – редкий случай, когда сугубо научное издание разошлось как бестселлер и потребовало дополнительного тиража.

Самое поразительное в коммунальном жилье – то, что оно до сих пор существует.

В своей истории коммунальная квартира (зачастую из бывших особняков) пережила и эпоху ранних экспериментов – с 1918 по 1933 год, и периоды «классики» 1930–40-х и 1950–60–70-х годов, и не одну волну расселения (самая значительная прокатилась в послеперестроечное время). Со времен «города-сада» до XXI века сменилось столько – от социокультурных приоритетов до методов строительства – что самым своевременным было бы признать коммунальную квартиру культурным реликтом. Но оказалось, что у нее будет еще и пост-история. Местом полевых исследований этнографа Утехина станет не советский Ленинград, а Петербург конца 1990-х – современная «коммунальная столица России»¹.

Автор «Очерков коммунального быта» исходит из положения, что «к быту относится как раз та часть повседневного, которая напрямую зависит от организации жилища и отношений, в которые человек вступает у себя дома» (с. 243). В книге воссоздается картина быта как целостная картина мира обитателей коммунальной квартиры. На первом плане стоит семиотика пространства: принципы организации и восприятия пространства частного (коммунальной

¹ См. также виртуальный музей «Коммунальная квартира», созданный И. Утехиным и Е. Герасимовой: <http://www.kommunalka.spb.ru/index.htm>.

комнаты) и публичного («мест общего пользования»): кухни и коридора, так называемой «пустой комнаты», парадной и черной лестницы, подъезда и городских окрестностей.

Рассмотрены также наиболее традиционные для этнографии понятия о принципах справедливости, об идее «своего» и «чужого», «чистого» и «грязного», о глазе, которые роднят современное коммунальное общежитие с традиционной культурой.

Картина мира включает также коммуникацию в рамках локального сообщества. Сосуществование людей разного пола и разного возраста ведет к повседневным малым сражениям. Автор детально анализирует стратегии поведения и повседневные практики обитателей, личностную сферу индивида и этикетные нормы общения между людьми, принципы самоорганизации сообщества, авторитет и лидерство, маргинальность и образ «чужого», типологию конфликтов и способы их разрешения, а также специфические формы психопатологии («на кухонной почве»). Все это с потрясающей жизненностью звучит в многочисленных интервью опрошенных в ходе полевой работы жильцов 20 петербургских коммунальных квартир.

Этнографическая детальность описания и семиотическая система анализа дает автору возможность при воссоздании коммунального быта концептуализировать совершенно знакомые и привычные вещи, именно этот «эффект узнавания» и захватывает читателя: «Насколько возможно, обеденный стол стараются поставить посередине комнаты, под лампой или люстрой. Стол накрыт скатертью или клеенкой, часто клеенка или прозрачная полиэтиленовая пленка постелена поверх скатерти. На столе постоянно находятся деревянные или суконовые подставки для чайника или кухонной посуды, которую приносят с кухни, так как обычно пища раскладывается по тарелкам в комнате... Здесь же часто присутствуют разнообразные предметы, никак не связанные с едой: газеты, лекарства, документы, карандаши и т.д.; во время повседневного приема пищи их обычно не убирают, в отличие от торжественного застолья» (гл. «Карта и территория»). Не случайно постоянное применение в тексте глагольной формы «настоящее расширенное»: действие осуществляется в момент речи, но предполагается, что оно происходило и в прошлом, и будет совершаться и в будущем, и в выводах неизменны слова «обычно», «как правило», «часто», «нередко» – в общем, «всегда».

Основные сюжеты коммунальной драмы разыгрываются на границе частного и публичного. Этой проблеме в книге посвящена специальная глава «На сцене жизни и в кулисах души», но наблюдения вокруг главного сюжетного узла содержатся во всем тексте. Обобщения позволяют формулировать законы коммунального быта: «Линия поведения человека, когда его никто не видит, может отличаться от того, что выходит на поверхность и становится известным окружающим»; закон проекции собственных прегрешений на других участников сообщества (глава «Опасность чистоты»); принцип минимального достаточного действия, когда выбирается наиболее эффективная линия поведения, требующая минимальных затрат труда и ресурсов.

Характерно ли это для человеческого рода вообще? – задается вопросом автор и отвечает: не так важно, для исследования существенно лишь, что эти мыслительные привычки составляют область само собой разумеющегося для

носителей традиционного коммунального мировоззрения. Но уровень обобщения глубоко впечатляет читателя.

В книге Утехина практически вынесено за скобки самое, казалось бы, привлекательное в коммунальной теме: история Утопии. Автора уже не интересует генеалогия дома-коммуны, зияющие высоты грандиозного урбанистического эксперимента, оптимизм и энтузиазм индустриализации, сама та идеология, которая некогда стремилась трансформировать сознание человека через его привычки и его быт как таковой. Утопия описана у Б. Гройса, П. Вайля, А. Гениса, И. Кабакова, В. Паперного, в истории архитектуры – у В. Хазановой и С. Хан-Магомедова, в социологии – у Е. Герасимовой. Все, Утопия уже сделала что могла. Все очень запущено. Антропология повседневности сосредоточена на материале жизненных деталей как на ее отдаленных последствиях.

Поэтому, вероятно, и интонация автора отличается от мажорной поры, когда в науке свежо и смело открывали советизм в порядке кэмп – эстетски и иронически любясь его мажорной стилистикой. Утехин пишет наблюдательно и пронизательно, но тексты его, хоть не чужды иронии, скорее меланхоличны. В виртуозном очерке «Карта и территория», анализирующем пространство коммунальной квартиры, например, как вздох звучит ремарка: «Визуальная доступность и возможность пройти до некоторой степени ограничена специфическим режимом освещения» (с. 30). Или, в «Очерке о краже»: «По отношению к пьяницам процедура изъятия украденного предмета (чаще всего ложки или другого предмета посуды) – довольно обычное явление; впрочем, котлету, украденную со сковородки, уже не вернешь» (с. 160).

Современное гуманитарное исследование не чуждается субъективности. Самое волнующее в «Очерках...» – обмолвка автора о собственном более чем тридцатилетнем опыте проживания в коммунальной квартире. В данном житейском случае методологические вопросы о позиции наблюдателя, о разнице между употреблением «речи» и знанием «грамматики», о «дистанции» и внеположенности поднимаются до уровня автореференции. Включенный наблюдатель, как признает автор, оказывается перед самим собой в двойственной позиции, будучи одновременно честным жильцом коммунальной квартиры и аналитиком. Автор «старается ничего от себя не скрыть, быть откровенным в выводах относительно мотивов собственных поступков и мыслей» (с. 242). Автор – Посторонний, он иронично сравнивает себя-в-коммуналке с дотошным иностранцем из благополучной Европы (с. 241); изредка в его речи звучит особенно актуальная для коммунальной жизни ученая латынь. У наблюдаемых же им «носителей традиции» стратегии поведения на коммунальной кухне включают пользование собственными рукавами вместо тряпки-прихватки и вывешивание в туалете просроченного календаря (потому что он бесполезен и заодно маскирует дефекты стены, можно не ремонтировать); им присуща вера в слез и подозрение, что нечист именно тот, кто ежедневно моется. Дистанция между наблюдателем и наблюдаемыми ясна по умолчанию. Но все же неизбежно, что «жилец может быть пенсионеркой, продавщицей, профессором, сталеваром или прорабом на стройке... специалистом по полевой этнографии; в сущности, с точки зрения коммунального быта это никого не интересует. Он жилец, и этим он и интересен. Не его жизнь и мнения в целом, но какая-то их

часть обусловлены именно тем, что он жилец коммунальной квартиры» (с. 243). Сопереживающий читатель по ходу не только обогащается познанием из новейшей этносемиотики, но самостоятельно приходит к вполне жизненному выводу: посетите коммуналку, пока она не посетила вас! По прочтении думаешь, что счастье не в том, чтобы прожить жизнь в отдельной квартире. Счастье – прожить, не узнав себя до конца.

Методологическая рефлексия, о которой говорилось выше, нашла в книге существенное место. Точнее, свободный жанр очерка ею не особенно скован, вся рефлексия вынесена в заключительную главу «Заметки о наблюдателе», которая, увы, отягощает книгу, ибо чрезмерно тщательно и отчасти схоластически построена на известном семиотическом катехизисе (язык – речь – норма – запрет – символическое поведение – ритуал – этикет и т.д.). Там же автор отдает дань вечным вопросам о том, что есть семиотика, о методологических претензиях семиотики и о неготовности самих семиотиков дать ей определение. Но думается, очевидная прикладная ценность исследования вовсе не нуждалась в этикетном оформлении.

Книга проиллюстрирована «атмосферными» фотографиями, выполненными самим автором и фотографом Николаем Туркиным. Не менее увлекательно, чем тексты, читаются приложения: «Примерный вопросник для этнографического обследования быта коммунальной квартиры»; официальные и самодельные «Правила поведения в коммунальной квартире» и «Краткий словарь терминов, относящихся к коммунальному быту Санкт-Петербурга»: «Подменить – разновидность присвоения чужого имущества, когда вместо присвоенного предмета жертве оставляют аналогичный предмет худшего качества; наряду с кражей встречается как в реальной повседневности, так и в бредовых фантазиях отдельных жильцов»; «Угощать – делиться с соседями едой или напитками, не входящими в обычное повседневное меню; типичный предмет угощения – пироги».

Анонсы в Сети новых работ Ильи Утехина «Происки постороннего (из материалов по жилищному вопросу)», «Язык русских тараканов (к постановке вопроса)», «Из наблюдений над поэтикой жалобы» оставляют читателя ждать продолжения саги о квартирном вопросе.